

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.076-085

А. Г. Дейнеко*

Нормативные и социальные основания кодификации информационного законодательства Российской Федерации

Аннотация. В последние годы вновь набирает обороты дискуссия о целесообразности кодификации информационного законодательства. Часть исследователей отрицают такую необходимость, ссылаясь на отсутствие образцов подобной кодификации в мире, расплывчатость предмета правового регулирования, смешение частного и публичного регулирования, а также на негативные последствия для отрасли информационных технологий. При внимательном рассмотрении все указанные аргументы легко опровергаются. Другие авторы, следуя «юридической моде» последних лет, говорят о необходимости принятия Цифрового кодекса Российской Федерации. С таким предложением трудно согласиться, поскольку оно разделит информационные отношения на две неравные части, спровоцирует появление коллизий в законодательстве и не вполне адекватно технической природе информационных отношений. В статье приведены новые аргументы в поддержку третьей группы исследователей, отстаивающих необходимость разработки Информационного кодекса Российской Федерации. Эта задача более сложная, чем разработка Цифрового кодекса, но именно такой путь обусловлен фактическим положением дел в отрасли и логикой развития информационного законодательства. В статье приведен круг социальных оснований в поддержку такого варианта кодификации.

Ключевые слова: информационное право; Информационный кодекс; публичное право; цифровая трансформация; кодификация; законотворчество; права человека; информационные технологии; информационное общество.

Для цитирования: Дейнеко А. Г. Нормативные и социальные основания кодификации информационного законодательства Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 76–85. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.076-085.

© Дейнеко А. Г., 2025

* Дейнеко Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, профессор департамента права информационных технологий и биоправа НИУ «Высшая школа экономики», государственный советник Российской Федерации 2 класса
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
alexey-deyneko@mail.ru

Regulatory and Social Foundations of the Information Legislation Codification in the Russian Federation

Alexey G. Deyneko, Cand. Sci. (Law), Professor, Department of Information Technologies Law and Biolaw, National Research University «Higher School of Economics», 2nd class State Councilor of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
alexey-deyneko@mail.ru

Abstract. In recent years, the debate on the expediency of codifying information legislation has been gaining momentum. Some researchers deny its necessity referring to the lack of examples of such codification in the world, the vagueness of the subject matter of legal regulation, the mixing of private and public regulation and the negative consequences for the information technology industry. Upon careful consideration, all these arguments are easily refuted. Other authors, following the «legal fashion» of recent years, talk about the need to adopt the Digital Code of the Russian Federation. It is difficult to agree with such a proposal, since this will divide information relations into two unequal parts, provoke conflicts in legislation and it is not fully adequate to the technical nature of information relations. The paper provides new arguments in support of the third group of researchers who advocate the need to develop the Information Code of the Russian Federation. This task is more difficult than the development of a Digital Code, but it is precisely this path that is determined by the current state of affairs in the industry and the logic of the development of information legislation. The paper also contains a range of social grounds in support of such a codification.

Keywords: information law; information code; public law; digital transformation; codification; lawmaking; human rights; information technology; information society.

Cite as: Deyneko AG. Regulatory and Social Foundations of the Information Legislation Codification in the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(1):76-85. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.170.1.076-085.

В последние годы на страницах юридических научных изданий и средств массовой информации всё чаще можно встретить публикации о необходимости или, напротив, о нежелательности принятия Информационного либо Цифрового кодекса. Несмотря на кажущуюся новизну данной инициативы и отсутствие подобных законопроектов в нижней палате парламента, вопрос о кодификации информационного законодательства в нашей стране уже обрел собственную доктринальную историю. Предварим анализ современного состояния информационного законодательства и регулируемых им общественных отношений кратким обращением к развитию доктринальных взглядов на исследуемый вопрос.

От идеи до практической реализации

В 1990-е гг. идея кодификации информационного законодательства практически не встречалась в отечественной правовой доктрине, лишь изредка появляясь в работах отдельных правоведов. Так, В. А. Копылов в 1996 г. назвал принятие Информационного кодекса Российской Федерации «конечной целью развития информационно-правовой отрасли»¹, но при этом не предпринял попыток обрисовать хотя бы контуры будущего акта. На наш взгляд, это было вызвано тем обстоятельством, что в законодательстве на тот момент еще не сформировалась «критическая масса» правовых норм, связанных с информационными отношениями, а технологии доступа к сети «Интернет» еще не были столь развиты, чтобы значительным обра-

¹ См., например: Копылов В. А. О структуре и составе информационного законодательства // Государство и право. 1996. № 6. С. 101–110.

зом влиять на поведение субъектов правового воздействия.

Распространенным взглядом на развитие информационного законодательства на рубеже XX и XXI вв. была позиция о необходимости развития базового закона (не кодекса), регулирующего отношения в сфере информации и информатизации. Такой точки зрения придерживались, в частности, авторы Концепции развития законодательства Российской Федерации в сфере информации и информатизации, разработанной в 1999 г. под эгидой парламентского Комитета по информационной политике и связи (далее — Концепция-99).

В своих публикациях соавторы Концепции-99 Г. Т. Артамонов, Б. В. Кристальный, И. Н. Курносов, И. С. Мелюхин, Г. Л. Смолян и Д. С. Черешкин указывали, что после принятия базового нормативного акта (под которым понимался проект федерального закона «О государственном информационном стандарте»²) необходимо будет организовать процесс приведения в соответствие базовому закону «видовых» и «отраслевых» законов. Стоит отметить, что на роль базового акта в то время также претендовали федеральные законы «Об информации, информатизации и защите информации»³ и «Об участии в международном информационном обмене»⁴ (оба акта утратили силу в 2006 г.).

Первые шаги по формированию доктринальной основы для кодификации информационного законодательства предпринимаются в отечественной правовой науке только в конце 2000-х гг. усилиями Сектора информационного права Института государства и права Российской

академии наук (далее — Сектор). Нынешний руководитель Сектора Т. А. Полякова одной из первых в нашей стране обосновала необходимость разработки «кодифицированного законодательного акта, регулирующего общественные отношения в информационной сфере»⁵ в своем диссертационном исследовании, защищенном в 2008 г.

Глубокие научные разработки данного вопроса в многочисленных трудах и научных конференциях Сектора обрели в 2014 г. свое практическое выражение в Концепции Информационного кодекса Российской Федерации⁶, составленной под руководством основоположника науки информационного права в нашей стране И. Л. Бачило. Этот документ, на наш взгляд, и по сей день сохраняет свою актуальность в части идей о структуре будущего кодекса, предмете и принципах правового регулирования, а также отдельных юридико-технических решений.

Не отставали от правоведов и хозяйствующие субъекты; в числе наиболее резонансных инициатив, которые так и не были реализованы, можно назвать Инфокоммуникационный кодекс, анонсированный в 2017–2018 гг. представителями интернет-провайдеров, мобильных операторов и медиахолдингов, входящих в Медиа-коммуникационный союз. Идея о создании такого кодекса, который должен был прийти на смену ряду отраслевых федеральных законов, несколько лет обсуждалась на различных площадках, но итоговый проект так и не был представлен на суд научного и экспертного сообщества⁷.

Импульс научной и экспертной дискуссии по рассматриваемому вопросу придала публич-

² Артамонов Г. Т., Кристальный Б. В., Курносов И. Н., Мелюхин И. С., Смолян Г. Л., Черешкин Д. С. О концептуальной базе построения в России информационного общества // Информационное общество. 1999. № 3. С. 16–19.

³ Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (утратил силу 8 августа 2006 г.) // СЗ РФ. 1995. № 8. Ст. 609.

⁴ Федеральный закон от 04.07.1996 № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене» (утратил силу 8 августа 2006 г.) // СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3347.

⁵ Полякова И. А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 10.

⁶ Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И. Л. Бачило. М., 2014.

⁷ Подробнее об этом проекте см., например: Кодекс как предчувствие // РБК. 15 января 2018 г. URL: <https://rbc.ru/newspaper/2018/01/15/5a58ccd99a79475bf73470c1> (дата обращения: 10.06.2024).

ная лекция Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на VIII Петербургском международном юридическом форуме в 2018 г. В своем выступлении один из самых авторитетных российских конституционалистов дал весьма точную оценку текущему состоянию информационного законодательства, отметив, что составляющие его фундамент федеральные законы слабо связаны между собой. По его мнению, принятие Информационного кодекса поможет устранить накопившиеся в праве противоречия, закрепить понятийный аппарат, связанный с оборотом информации, конкретизировать содержание конституционного права личности на информацию и систематизировать требования к государственным информационным системам⁸.

Сходные оценки применительно к нормативному регулированию общественных отношений в области связи были даны в Стратегии развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 г.⁹, утвержденной Правительством России в 2023 г. (далее — Стратегия-23). Наряду с описанием технологических изменений, произошедших в отрасли за последние годы, а также прогнозами ее развития на обозначенный период Стратегия-23 констатирует наличие терминологических и смысловых расхождений между нормативными правовыми актами, регулирующими отношения в области связи, а также их общее несоответствие степени технологического развития отрасли. В качестве одного из способов решения упомянутых проблем Стратегия-23 прямо указывает на необходимость кодификации отраслевого законодательства, но при этом говорит о принятии Цифрового, а не Информационного кодекса.

Цифра или информация?

Утверждение Стратегии-23 обострило дискуссию об оптимальном варианте возможной кодификации законодательства о связи и шире — информационного законодательства. Несмотря на впечатляющие темпы цифровизации значительной части социальных процессов, существенная часть отношений, связанных с оборотом информации, по-прежнему происходит вне киберпространства, т.е. имеет нецифровой характер. К ним относятся отношения, связанные с информацией ограниченного доступа (государственной и военной тайной, отдельными случаями коммерческой тайны и пр.), архивным делом, деятельностью «офлайновых» библиотек, средств массовой информации и многим другим. Т. А. Полякова и Н. А. Троян, исследуя актуальные проблемы систематизации информационного законодательства, обращают внимание на достаточно большое количество нерешенных вопросов и в указанных сферах¹⁰. Кроме того, некоторые виды отношений, например те из них, которые связаны с оборотом персональных данных, могут происходить как в киберпространстве, так и вне его, следовательно, кодификация регулирования лишь части таких отношений создаст предпосылки для возникновения новых правовых проблем.

Отметим и дефектность термина «цифровое право» с технической точки зрения. В компьютерных программах используются не цифры 1 и 0, а числа, однако предложения о признании числового права самостоятельной отраслью пока не встречались нам в отечественных публикациях. Кроме того, указанный термин как бы подталкивает к формированию дихотомии

⁸ Зорькин В. Д. Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан : Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 25.05.2018. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 10.06.2024).

⁹ Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 24.11.2023 № 3339-р) // СЗ РФ. 2023. № 50. Ст. 9094.

¹⁰ Полякова Т. А., Троян Н. А. Актуальные проблемы систематизации законодательства России под влиянием цифровых технологий в период цифровой трансформации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 28. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.025-033.

«цифровое — буквенное» или «цифровое — аналоговое право», что выглядит нехарактерным для российской правовой традиции.

Добавим, что одной из форм существования информации, перспективы практического применения которой только предстоит определить, являются квантовые технологии. Отечественные правоведы отмечают, что квантовые коммуникации пока не стали в нашей стране полноценным объектом правового регулирования¹¹, но уже сегодня можно утверждать, что эта технология позволит обеспечить в будущем повышенный уровень защиты передаваемых данных, поскольку она основана не на математических алгоритмах шифрования, которые можно определить, а на законах квантовой физики¹². Если единица кодирования информации в цифровой форме («бит») представляет собой число 1 или 0, то единицей квантовой информации является так называемый квантовый бит («кубит»), который может находиться в одном из указанных состояний, а может представлять собой и суперпозицию обоих состояний¹³.

На наш взгляд, техническая природа квантовых коммуникаций позволяет квалифицировать их как один из способов передачи информации наряду с цифровыми коммуникациями и традиционными (нецифровыми) способами. Следовательно, решение вопроса о наименовании будущего кодифицированного акта в пользу «Цифрового кодекса» автоматически исключит из предмета его регулирования отношения, связанные с применением квантовых технологий. По всей вероятности, при таком сценарии специалисты будут вынуждены сразу по завершении работ над текстом Цифрового кодекса приступить к разработке Квантового кодекса.

Таким образом, с пониманием относясь к стремлению российских¹⁴ и зарубежных¹⁵ коллег следовать юридической «моде», развивая «отрасль цифрового права», при проектировании будущего кодифицированного акта представляется принципиально важным остаться на классических доктринальных позициях и разрабатывать проект Информационного, а не Цифрового (или Квантового) кодекса. На наш взгляд, смещение предмета правового регулирования будущего кодекса с информационных к цифровым отношениям хотя и упростит юридическую задачу, но одновременно ослабит системообразующую роль такого кодекса и не позволит обеспечить единство правового регулирования целого ряда групп общественных отношений.

В развитие Стратегии-23 на базе Минцифры России в прошлом году была сформирована межведомственная рабочая группа по подготовке концепции кодекса с участием видных российских правоведов, представителей законодательных и исполнительных органов власти федерального уровня. Первый проект концепции кодекса исходил из необходимости регулирования только «цифровых» общественных отношений, а кроме того, местами необоснованно смешивал частноправовые и публично-правовые отношения. Так, например, в предмет регулирования кодекса предлагалось включить отношения, связанные с доменными именами в сети «Интернет», а также возникновением прав на результаты интеллектуальной деятельности при создании, развитии и эксплуатации информационных систем различных уровней. Впоследствии данные отношения были исключены из названной концепции.

¹¹ Холодная Е. В. Квантовые технологии как объект права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4. С. 45. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.038-045.

¹² Минбалеев А. В., Наумов В. Б., Полякова Т. А. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114. DOI: 10.31857/S102694520019763-0.

¹³ Такое понимание квантовой информации закреплено, в частности, в Предварительном национальном стандарте Российской Федерации ПНСТ 830-2023 «Квантовые коммуникации. Термины и определения» (утв. приказом Росстандарта от 11.07.2023 № 23-пнст). М. : ФГБУ «Институт стандартизации», 2023.

¹⁴ См., например: Цифровое право : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. МГИМО МИД России Э. Л. Сидоренко. М. : Юрлитинформ, 2024.

¹⁵ См., например: *Shulze R., Staudenmayer D.* EU Digital Law. New York : Hart Publishing, 2020.

С другой стороны, в отдельных вопросах предмет регулирования кодекса был напротив, необоснованно сокращен. Так, в указанной концепции изначально упоминались только государственные цифровые платформы и государственные информационные системы, в то время как частные цифровые платформы (а также метавселенные) оказывались за пределами проектируемого регулирования. В этой части предмет правовой регламентации будущего кодекса также был скорректирован, однако отражением продолжающейся дискуссии относительно его содержания стало итоговое наименование — «Концепция Информационного (Цифрового) кодекса Российской Федерации». Вместе с тем центром притяжения юридических споров остается вопрос не о наименовании рассматриваемого кодекса, а о целесообразности его принятия как такового.

Contra

Данное исследование вряд ли могло бы претендовать на объективность, если бы мы не упомянули здесь аргументы противников кодификации информационного законодательства. Представленные в юридической литературе мнения по этому поводу можно свести к следующему перечню:

1) информационные (цифровые) правоотношения не обладают должной степенью обособленности от известных правовой науке видов отношений (гражданских, уголовных, трудовых и др.), вследствие чего предмет Информационного кодекса невозможно будет четко определить;

2) кодификация норм информационного права приведет к необоснованному смешению институтов частного и публичного права;

3) мировой опыт не содержит образцов кодифицированных актов в сфере информационных отношений, которые могли бы быть взяты отечественными разработчиками за основу;

4) существующие недостатки информационного законодательства следует устранять путем его систематизации, а не кодификации;

5) информационные правоотношения слишком интенсивно развиваются, а кодификация норм информационного права приведет к «заморозке» социально-экономического развития в этой сфере¹⁶.

Разберем приведенные аргументы подробнее и попробуем им возразить.

Первый аргумент нашел свое отражение в экспертном заключении президентского Совета по кодификации на одну из первых версий упомянутой концепции, в котором отечественные цивилисты пришли к выводу об отсутствии предпосылок для принятия в нашей стране Цифрового кодекса. Члены Совета отметили, что все общественные отношения, которые складываются в киберпространстве, уже урегулированы нормами права (в первую очередь гражданского), а «цифровая форма существования той или иной социальной связи сама по себе не является достаточным обоснованием возможности существования кодифицированного акта»¹⁷. Последствия такого подхода легко спрогнозировать: если в каждой из устоявшихся отраслей права цифровая часть регулируемых отношений будет строиться на собственных определениях, принципах и правилах регулирующего воздействия, это в обозримой перспективе приведет к формированию новых правовых коллизий.

Второй аргумент отражает комплексную природу информационных правоотношений, где постоянно пересекаются частные и публичные интересы. При этом вряд ли возможно спорить с тем, что российское законодательство содержит

¹⁶ Обзор приведенных аргументов см.: Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б. К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации общества // Государство и право. 2024. № 1. С. 81–91. DOI: 10.31857/S1026945224010087.

¹⁷ Решение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 01.12.2023 № 235-1/2023 «О возможности разработки Цифрового кодекса Российской Федерации» // URL: https://privlaw.ru/upload/iblock/a2d/lqs2brr130vw5asg291doqv007xpsycg/83закл_ноябрь_декабрь_2023.pdf (дата обращения: 10.06.2024).

примеры кодификации норм различной видовой принадлежности (например, в Воздушном кодексе Российской Федерации)¹⁸.

Третий критический аргумент справедлив только при взгляде на европейскую правовую семью. Действительно, известные законодательные акты западных стран, такие как Цифровой административный кодекс Италии¹⁹ или немецкий Закон о продвижении электронного правительства²⁰, регулируют весьма небольшую часть информационных правоотношений по сравнению с теми контурами предмета кодекса, которые намечаются в нашей стране. Во многих других странах Европы и Азии, как отмечает А. В. Минбалеев, научная дискуссия о необходимости принятия Информационного кодекса в принципе отсутствует²¹. Но если обратить взгляд на страны СНГ, то следует отметить соответствующие кодификационные проекты в Азербайджанской Республике, Киргизской Республике и Республике Казахстан, которые находятся на высокой стадии реализации, и разрабатывались с участием российских правоведов²².

С четвертым критическим аргументом сложно спорить, если рассматривать кодификацию и систематизацию как две противоположности. На наш взгляд, эти два процесса должны взаимодополнять друг друга: кодификация сформирует понятийный аппарат и принципы регулирования информационных отношений, в соответствии с

которыми необходимо будет осуществить дальнейшую систематизацию российского законодательства. В практическом плане это означает, что на стадии проектировки кодекса необходимо определить перечни федеральных законов, которые утратят силу после его принятия, а также законов, которые предстоит привести в соответствие с ним²³. Следует также заметить, что кодификация в целом является одной из органических черт российской правовой системы в ее историческом развитии.

Наконец, пятый аргумент можно опровергнуть, обратив внимание на действующие в нашей стране кодексы. Едва ли хотя бы об одном из них можно сказать, что кодификация остановила развитие общественных отношений, зафиксировав правовое регулирование «в статике». Безусловно, принятие нового кодекса снижает частоту изменений норм в отрасли, но, как верно заметил М. Н. Марченко, в континентальных правовых системах принятие кодекса обычно рассматривается правоведами «как отправная точка [к дальнейшему развитию отрасли], а не как завершение пути»²⁴.

Pro

Что же касается аргументов в поддержку кодификации, то нам представляется, что они

¹⁸ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 30.01.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 1 апреля 2024 г.) // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

¹⁹ Decreto Legislativo 7 marzo 2005, n. 82 «Codice dell'amministrazione digitale» // URL: <https://normattiva.it/eli/id/2005/05/16/005G0104/CONSOLIDATED/20240221> (дата обращения: 10.06.2024).

²⁰ Gesetz zur Forderung der elektronischen Verwaltung (E-Government-Gesetz — EGovG) vom 25. Juli 2013 // URL: <https://gesetze-im-internet.de/egovg> (дата обращения: 10.06.2024).

²¹ Минбалеев А. В. Проблемы цифрового права : учеб. пособие. Саратов : Амирит, 2022. С. 50.

²² Подробнее об этих проектах см.: Тедеев А. А. Систематизация информационного (цифрового) законодательства: современные тенденции (Россия и Центральная Азия) // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 47. № 4. С. 20–26. DOI: 10.17323/tis2023.18203.

²³ К числу первых можно отнести федеральные законы от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и другие акты; к числу вторых — законы Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне»; Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» и др.

²⁴ Марченко М. Н. Источники права. М. : Проспект, 2005. С. 475.

носят не только правовой, но и социально-экономический характер. Во-первых, практика функционирования хозяйствующих субъектов в сфере применения информационных технологий непосредственным образом влияет на такие конституционные ценности, как права и свободы личности, общественные интересы и национальная безопасность. У данных хозяйствующих субъектов (как российских, так и транснациональных) сформировался устойчивый запрос на формирование понятных, прозрачных и равных правил применения информационных технологий.

Во-вторых, субъектно-объектный состав информационных отношений характеризуется спецификой по сравнению с традиционными отраслями права и нуждается в систематизации, оптимизации и нормативном определении. Так, например, широко используемый в подзаконных актах и документах стратегического развития термин «цифровые платформы» пока не нашел своего отражения в тезаурусе базового закона²⁵, который нередко именуют «квазикодексом» информационного права. Отсутствие легального определения и классификации цифровых платформ является препятствием для возложения на них публичных обязательств по защите прав, свобод и законных интересов взаимодействующих с ними субъектов (например, пользователей социальных сетей, клиентов банковских сервисов, «квазиработников» служб доставки и многих других).

В-третьих, следует отметить, что среди граждан, взаимодействующих с цифровыми платформами, присутствуют уязвимые категории с особыми потребностями (несовершеннолетние, инвалиды, люди старшего возраста и пр.). В этой связи кодификация поможет определить круг таких граждан и установить для них дополнительные правовые механизмы защиты.

В-четвертых, применение информационных технологий в целом характеризуется повышенным риском нарушения прав и свобод личности и обуславливает, в частности, необходимость закрепления в информационном законодатель-

стве информационного суверенитета личности в качестве сквозного принципа правового регулирования. Для целей данного исследования можно ограничиться указанием на то, что такой принцип должен включать в себя право гражданина на отказ от цифрового взаимодействия с искусственным интеллектом или цифровой платформой, если это противоречит его убеждениям.

В-пятых, развитие общественных отношений в киберпространстве привело к возникновению института информационно-правовой ответственности, которая носит комплексный характер и может выражаться в блокировках доступа к интернет-ресурсам, распространяющим недостоверную или запрещенную информацию, возложении на поисковые системы обязанности пессимизировать выдачу информации о таких ресурсах, ограничительных мерах для кредитных организаций, рекламодателей и рекламораспространителей и многих других. Отличительной чертой информационно-правовой ответственности является сочетание правовых и технических способов обеспечения ее реализации. В случаях, когда цифровые платформы самостоятельно и в автоматизированном режиме применяют санкции к пользователям (блокируют пользовательский аккаунт или счет, ограничивают функционал взаимодействия с платформой и др.), есть основания утверждать о применении мер договорно-информационной ответственности. Механизм ее воздействия существенным образом отличается от автоматизации привлечения к иным видам юридической ответственности (например, от автоматического назначения административных штрафов при помощи дорожных видеокамер).

В-шестых, агрессивная политика некоторых недружественных государств и трансграничных компаний в киберпространстве диктует необходимость принятия мер по защите цифрового суверенитета нашей страны. Одним из способов такой защиты наряду с обеспечением безопасности критической информационной инфраструктуры является установление пределов

²⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

национальной юрисдикции нашей страны в киберпространстве. Для этого необходимо реализовать комплекс правовых мер, включающих принудительное введение некоторых категорий иностранных юридических лиц в российскую юрисдикцию. Создать единый и непротиворечивый механизм защиты цифрового суверенитета Российской Федерации, на наш взгляд, возможно только путем кодификации информационного законодательства.

Таким образом, имеются убедительные основания утверждать, что социально-экономи-

ческие отношения, складывающиеся в нашей стране, сформировали убедительные основания для кодификации информационного законодательства. Будущий Информационный кодекс не должен носить излишне рамочный характер, а должен быть наполнен нормами прямого действия. Вместе с тем излишне развернутый характер такого кодекса существенно увеличит сроки его подготовки и межведомственного согласования. В связи с этим нам представляется необходимым прибегнуть к компромиссному варианту, сочетающему оба описанных подхода.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Артамонов Г. Т., Кристальный Б. В., Курносков И. Н., Мелюхин И. С., Смолян Г. Л., Черешкин Д. С. О концептуальной базе построения в России информационного общества // Информационное общество. — 1999. — № 3. — С. 16–19.
2. Зорькин В. Д. Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан: размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. — 25.05.2018. — URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovyye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 10.06.2024).
3. Кодекс как предчувствие // РБК. — 15.01.2018. — URL: <https://rbc.ru/newspaper/2018/01/15/5a58ccd99a79475bf73470c1> (дата обращения: 10.06.2024).
4. Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И. Л. Бачило. — М., 2014. — 192 с.
5. Копылов В. А. О структуре и составе информационного законодательства // Государство и право. — 1996. — № 6. — С. 101–110.
6. Марченко М. Н. Источники права. — М. : Проспект, 2005. — 760 с.
7. Минбалеев А. В. Проблемы цифрового права : учеб. пособие. — Саратов : Амирит, 2022. — 233 с.
8. Минбалеев А. В., Наумов В. Б., Полякова Т. А. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. — 2022. — № 5. — С. 104–114. — DOI: 10.31857/S102694520019763-0.
9. Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б. К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации общества // Государство и право. — 2024. — № 1. — С. 81–91. — DOI: 10.31857/S1026945224010087.
10. Полякова Т. А., Троян Н. А. Актуальные проблемы систематизации законодательства России под влиянием цифровых технологий в период цифровой трансформации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 2 (102). — С. 25–33. — DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.025-033.
11. Полякова Т. А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2008. — 38 с.
12. Тедеев А. А. Систематизация информационного (цифрового) законодательства: современные тенденции (Россия и Центральная Азия) // Труды по интеллектуальной собственности. — 2023. — Т. 47. — № 4. — С. 20–26. — DOI: 10.17323/tis2023.18203.
13. Холодная Е. В. Квантовые технологии как объект права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 4. — С. 38–45. — DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.038-045.

14. Цифровое право : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. МГИМО МИД России Э. Л. Сидоренко. — М. : Юрлитинформ, 2024. — 720 с.
15. *Shulze R., Staudenmayer D.* EU Digital Law. — New York : Hart Publishing, 2020. — 616 p.

Материал поступил в редакцию 13 июня 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Artamonov G. T., Kristal'nyy B. V., Kurnosov I. N., Melyukhin I. S., Smolyan G. L., Chereshekin D. S. O kontseptual'noy baze postroyeniya v Rossii informatsionnogo obshchestva // Informatsionnoe obshchestvo. — 1999. — № 3. — S. 16–19.
2. Zorkin V. D. Zadacha gosudarstva — priznavat i zashchishchat tsifrovyye prava grazhdan: razmyshlenie na polyakh Peterburgskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma // Rossiyskaya gazeta. — 25.05.2018. — URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovyye-prava-grazhdan.html> (data obrashcheniya: 10.06.2024).
3. Kodeks kak predchuvstvie // RBK. — 15.01.2018. — URL: <https://rbc.ru/newspaper/2018/01/15/5a58ccd9a79475bf73470c1> (data obrashcheniya: 10.06.2024).
4. Kontseptsiya Informatsionnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / pod red. I. L. Bachilo. — M., 2014. — 192 s.
5. Kopylov V. A. O strukture i sostave informatsionnogo zakonodatelstva // Gosudarstvo i pravo. — 1996. — № 6. — S. 101–110.
6. Marchenko M. N. Istochniki prava. — M.: Prospekt, 2005. — 760 s.
7. Minbaleev A. V. Problemy tsifrovogo prava: ucheb. posobie. — Saratov: Amirit, 2022. — 233 s.
8. Minbaleev A. V., Naumov V. B., Polyakova T. A. Pravovoe regulirovanie kvantovykh kommunikatsiy v Rossii i v mire // Gosudarstvo i pravo. — 2022. — № 5. — S. 104–114. — DOI: 10.31857/S102694520019763-0.
9. Polyakova T. A., Minbaleev A. V., Naumov V. B. K voprosu o kodifikatsii informatsionnogo zakonodatelstva v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obshchestva // Gosudarstvo i pravo. — 2024. — № 1. — S. 81–91. — DOI: 10.31857/S1026945224010087.
10. Polyakova T. A., Troyan N. A. Aktualnye problemy sistematizatsii zakonodatelstva Rossii pod vliyaniem tsifrovyykh tekhnologiy v period tsifrovoy transformatsii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2023. — № 2 (102). — S. 25–33. — DOI: 10.17803/2311-5998.2023.102.2.025-033.
11. Polyakova T. A. Pravovoe obespechenie informatsionnoy bezopasnosti pri postroyenii informatsionnogo obshchestva v Rossii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2008. — 38 s.
12. Tedeev A. A. Sistematizatsiya informatsionnogo (tsifrovogo) zakonodatelstva: sovremennyye tendentsii (Rossiya i Tsentralnaya Aziya) // Trudy po intellektual'noy sobstvennosti. — 2023. — T. 47. — № 4. — S. 20–26. — DOI: 10.17323/tis2023.18203.
13. Kholodnaya E. V. Kvantovyye tekhnologii kak obekt prava // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2022. — № 4. — S. 38–45. — DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.038-045.
14. Tsifrovoye pravo: uchebnyy / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. MGIMO MID Rossii E. L. Sidorenko. — M.: YurLitinform, 2024. — 720 s.
15. *Shulze R., Staudenmayer D.* EU Digital Law. — New York: Hart Publishing, 2020. — 616 p.